

Соловьев-Седой
(80 лет со дня рожд.)

25/IV. 82

12

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

25 апреля 1987 г. 6

УРОКИ ВЕЛИКОГО ПЕСЕННИКА

К 80-ЛЕТИЮ В. П. СОЛОВЬЕВА-СЕДОГО

Восьмидесятилетие Василия Павловича Соловьева-Седого, столь долго определявшего направленность песенного жанра, вызывает два вопроса. Близка ли нам сегодня песня Соловьева-Седого или она принадлежит прошлому советской музыки? И чему учит опыт Соловьева-Седого, можно ли извлечь из этого опыта то, что еще послужит молодым поколениям композиторов?

...Все трое детей дворника Павла Павловича и горничной Анны Федоровны Соловьевых были наделены незаурядными музыкальными способностями и непреодолимой склонностью к музыке, но единственным, кто реализовал себя полностью, достиг невиданных высот, стал младший сын Василий.

Известна устойчивость зрительных впечатлений детства. Еще глубже и прочнее сохраняются впечатления слуховые: это замечал Соловьев-Седой, подчеркивая, что на его мелодическое мышление влияли песни белорусские, псковские, которых он мальчонкой наслушался в дворницкой и в деревне, куда его отправляли к родным.

Мать будущего композитора, служившая горничной у знаменитой эстрадной певицы Анастасии Вяльцевой, получила от нее по тем временам диковинный подарок — граммофон, и понеслись по дворницкой пленительные звуки:

Гай-да тройка, снег пушистый,
Ночь морозная кругом...

Кто не знал этой песни-вальса? Не тогда ли, в звуках дребезжащего граммофона воспринял мальчик этот радостный эстрадный тон песни, завывший к мечтам и счастью, без трагических нот, с нежностью и доверием. Не будем недооценивать этот интонационный источник — пение А. Вяльцевой, А. Вертинского, Н. Плевницкой.

Соловьев-Седой долго не учился музыке. Подобно Святославу Рихтеру, он до двадцати двух лет оставался самоучкой. И не из-за лени, нет: как и Рихтера, его растила музыкальная практика, живое дело, и он словно боялся погасить пусть еще неяркий, но свой творческий огонек, охранял его от академических догм.

Он был импровизатором — и это искусство ежеминутного, свободного, незафиксированного творчества, возродившееся в двадцатые годы в театрах рабочей молодежи, в немом кино, стимулировало песенный дар Соловьева-Седого, ибо мелодия, в сущности, всегда импровизационна. Она не конструируется. Она возникает из сердца. Специфика импровизаций самоучки-пианиста, близких наигрышам балалайки, бытовым танцам, чувствительным городским романсам надолго определила характер мелодизма, направляя к простоте, доступности, легкости восприятия — качествам, которые впоследствии Соловьев-Седой называл «липучестью» мотива.

Импровизация имела еще одно следствие, важное для будущего песенника: развила и укрепила свойственный ему дар общения со слушателями, обострила ощущение их отклика, отзывчивости: с тех пор и появилась в нем привычка сразу, как только сочинил песню, сыграть ее, спеть, проверяя таким образом, как она воспринимается. Необходимость была столь непреодолима, что, помню, летом, в дачном поселке Комарово, выполнив свою дневную творческую «норму», он часто выходил к воротам, поджидая кого-нибудь из знакомых, чтобы позвать к себе и показать новую песню.

Консерватория Соловьеву-Седому дала немного. Вернее, он мало брал, даже у любимого своего учителя Петра Борисовича Рязанова, который вел его бережно, понимая необычность этого таланта.

Поразительно, в какой степени не только Соловьев-Седой, но и другие мастера песни начинали творчество словно наперекор истинному призванию: Дунаевский сочинял печальные скрипичные пьесы, Ян Френкель занимался инструментальными жанрами. Одним из первых опубликованных произведений Соловьева-Седого была сюита для фортепиано — грамотная, гладкая, традиционная музыка.

Тридцатые годы были периодом стремительных композиторских взлетов совсем молодых Д. Шостаковича, И. Дзержинского, Т. Хренникова, В. Желобинского, Г. Попова. На этом фоне композиторское развитие Соловьева-Седого выглядело как бы замедленным. Он словно нарочито сдерживал себя, преодолевая соблазн легкого успеха. Конец тридцатых годов принес первые плоды: песни «Парад», «Гибель Чапаева», «Едем, братцы, призываться» — запели Леонид Утесов, Ирма Яунзем. И стала складываться легенда о благодушном, веселом музыканте, с небрежной легкостью создающем мелодии, — легенда, которую следует развенчать.

Истину, что за талант и успех судьба требует «оплаты», биография Соловьева-Седого полностью подтвердила. Самый любимый человек — дочь — не мог услышать его музыку. Эта беда сделала его внутренне независимым, ответственным за каждый свой шаг, углубила духовный мир, закалила характер. На 1938—1940 годы приходится «Песня о дружбе», «Таежная», восхитившая Дунаевского, несколько великолепных песен на слова А. Чуркина, первая редакция балета «Тарас Бульба».

Полностью раскрывала талант Соловьева-Седого Великая Отечественная война. И личная беда померкла перед общенародной трагедией.

Отвага стала знаменем героического времени. Вокруг звучал маршевый призыв: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» Соловьев-Седой добавил к этому неожиданное лирическое направление. Родину защищал человек, и композитор считал, что «в тяжкую минуту душевность и даже грусть и печаль могут быть не менее мобилизующими, и не менее нужными бойцам. Вот когда... пришла моя тема». Открывшаяся в молодом композиторе потребность отозваться на требования времени заключалась прежде всего в выборе героя. Им стал простой русский парень, надевший шинель солдата. Этот лириче-

ский образ встал рядом с лукавым и обаятельным Василием Теркиным из поэмы Александра Твардовского. Новое направление было признано не сразу. Лучшую военную песню — «Вечер на рейде» — профессионально-музыкальные круги поначалу отвергли, как отвергли в свое время «Песню о Родине» Дунаевского: уж очень необычна была ее лирическая красота. Инерция вкусов, приверженность к плакатным стереотипам живуча: «тихий», щемяще печальный мотив «Вечера на рейде» в привычные рамки не укладывался.

Соловьев-Седой как мастер песенного жанра родился в марте 1942 года. Это произошло в землянке, на Калининском фронте, когда композитор решился сам, в ста метрах от вражеских позиций, спеть отвергнутую официальными композиторскими инстанциями песню: «Прощай, любимый город, уходи завтра в море». И песню подхватили бойцы. Пошла она не из тыла на фронт, а, наоборот, с фронта на всю страну. Не случайно ведь прославленный полководец — генерал А. И. Родимцев говорил, что, хотя Соловьев-Седой не воевал на Сталинградском фронте, он был там вместе с солдатами, потому что воевали его песни. Самым близким ему истинным соратником стал солдат Алексей Фатьянов, награжденный медалью «За отвагу» и побывкой в тыл, чтобы сочинить с Соловьевым-Седым знаменитых «Соловьев». Помните: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...»

Не стану повторять давно известные, не раз пересказанные самим композитором истории замечательных песен «Ирай, мой баян», «Морячка», «На солнечной поляночке», «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?», «Девушка и взвод». Один только 1942 год принес шестнадцать песенных шедевров. После фронтового успеха композитор отдается песням со страстью. Где бы ни был, каждый день с раннего утра он принимается за «пахоту», не заканчивает работы, пока очередная песня не зафиксирована на нотном листе. В это время утверждается его неповторимый стиль, приемы песенного мелодизма — все, что определяет исключительную выразительность его сочинений. И в послевоенных песнях Соловьеву-Седому удается найти близкие людям повороты тем: забота о мире рождает песню «Если бы парни всей земли», судьба солдата, пришедшего с войны, встреча с отчим домом — цикл «Сказ о солдате», песни «Далеко иль недалеко», «Далеко родные осины», «Матросские ночи», «Нахимовским маршем» композитор откликается на создание в стране суворовских и нахимовских училищ. Возвращается он и к любовной лирике, более тонкой, открытой, нежели ранее. «На лодке» — лучшая из таких песен.

Ленинградец, писавший, что любит «свой город до самозабвения», Соловьев-Седой передает эту любовь в целой серии удивительно красивых, поэтичных песен. А Москве посвящает «Подмосковные вечера», мелодия которой известна всему миру. Международное значение этой пирической песни, ее роль в единении миролюбивых народов сравнимы с ролью эпохальной Седьмой симфонии Шостаковича во время войны. Мелодия Соловьева-Седого, опиравшегося на русский фольклор, оказалась всеобщей — вот что стало завоеванием композитора, доказывая классическую истину: исконно национальное становится интернациональным.

Последнее десятилетие жизни Соловьева-Седого складывалось нелегко. Беспощадный к себе мастер ощущал исчерпанность сделанного, необходимость пополнения творческого запаса и признавался: «Раньше у меня был большой запас впечатлений, связанных с войной... Постепенно образовался творческий вакуум — меня потянуло к новым впечатлениям». В этом смысле его беспрерывных путешествий — жизнь среди моряков, нефтяников, геологов, рыбаков помогала сохранять романтический настрой. Он пишет много музыки к кинофильмам, вносит полезный вклад в музыкальное оформление документальных лент, создает песенные оперетты.

Поначалу с недоверием встречает он распространение так называемой «гитарной» песни, шумный успех Владимира Висоцкого, но художник с такой обостренной чуткостью, как Соловьев-Седой, не может оставаться на позициях лишь негативных. Постепенно он прислушивается к молодому певцу, вводит гитарные элементы в свои песенные циклы, которые мыслит как некий гибридный жанр песен-романсов.

Процесс этих поисков, зафиксированный в трех поздних вокальных циклах — «Северная поэма», «Светлая песня», «Мой современник», остался незавершенным. Но актуальность их сохраняется и для нынешнего этапа профессионального песенного творчества, не устоявшего перед взрывом самодельной песни, которая заняла ведущие рубежи, прежде всего как песня-исповедь, рождающаяся из острого душевного порыва, из страстной жажды обновления. Песня отходит от своей мелодической природы, перестает быть плавной, красивой, сближается с мелодекламацией.

Сегодня песни Соловьева-Седого, как и песни Дунаевского, к сожалению, отошли на второй план, пропагандируются недостаточно. Но традиции сохраняются. Поразительно — хотя Василий Павлович и не был педагогом, он оставил песенную школу — влияние его стиля, идей ощущается у А. Пахмутовой, В. Гаврилина, Я. Френкеля, В. Баснера, С. Поклакова, Г. Портнова, А. Колкера. Родник душевного, светлого песенного мелодизма не может иссякнуть. Он будет возникать, возвращаться, обогащаться, как нечто вечное, без чего жизнь невозможна. Вот почему творчество Соловьева-Седого не только почтено советской песней, но и ее будущее.

С. ХЕНТОВА,

профессор, доктор искусствоведения.

● В. Соловьев-Седой.

Фото В. Голубовского.